

На правах рукописи

Фалалеева Светлана Сергеевна

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ТВОРЧЕСТВА О. ХАКСЛИ:
МИМЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(английская литература)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре зарубежной литературы

ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н.Ельцина»

Научный руководитель:	доктор филологических наук, профессор Рабинович Валерий Самуилович
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор Бабенко Владимир Гаврилович кандидат филологических наук, профессор Кожевникова Светлана Наумовна
Ведущая организация:	ФГБОУ ВПОУ «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»

Защита состоится 22 февраля 2012 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.22 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина».

Автореферат разослан «__» января 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

Л. А. Назарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена изучению антропологических основ произведений Олдоса Хаксли (1894–1963). В своем творчестве О. Хаксли представляет различные модели мироустройства. Все эти модели производны от его антропологии, поскольку главным в его творчестве является ярко выраженная антропологическая основа. К интересующим нас антропологическим смыслам творчества О. Хаксли обращались такие ученые, как П. Баверинг, Дж. Вудкок, С. Маровитц, Дж. Халл, Дж. А. Нанке и другие (в контексте непосредственно авторских концепций человека), Дж. Халл, И. В. Головачева и другие (в контексте психоанализа З. Фрейда), К. Фернс, Дж. Мекьер и другие (в контексте полемики О. Хаксли с Д. Г. Лоуренсом), Н. М. Уильямс, К. Бод и другие (в контексте параллелей с мирообразом У. Блейка), С. Гхоуз, Б. Чаку и другие (в контексте индийской религиозно-философской мысли), А. Л. Мортон, Л. Фитц, Р. Т. Сион, М. Шадурский и другие (в связи с проблемами утопического моделирования).

Обзор научных трудов по творчеству О. Хаксли убеждает в том, что исследование антропологической проблематики его текстов осуществлялось преимущественно в связи с идеями самого писателя, т. е. рассматривалось в репрезентативном ключе. Отметим, что почти не учитывались антропологические смыслы его произведений, оставшиеся за пределами авторской рефлексии, в том числе те из них, что «вычитываются» из миметического строя, «конструкции» его произведений. Это существенно ограничивает понимание творчества О. Хаксли, поскольку целый ряд ключевых для его творчества антропологических смыслов не может быть адекватно выявлен и рассмотрен без обращения к нерепрезентативному аспекту антропологии его произведений.

В этой связи актуализируется проблема рассмотрения антропологии творчества О. Хаксли в единстве репрезентативного и нерепрезентативного аспектов. Анализ осуществлялся в контексте ряда современных теорий мимесиса и аналитической антропологии литературы.

Актуальность исследования определяется, во-первых, всплеском внимания к антропологическим проблемам на рубеже XX–XXI веков в разных сферах гуманитарного знания – философии, социологии, лингвистике, литературоведении и других науках; во-вторых, актуальность обусловлена междисциплинарным, интегративным характером современных научных исследований; в-третьих, в диссертационном исследовании творчество О. Хаксли рассматривается в нетрадиционном ключе: в свете двух общих концепций мимесиса, которые могут быть условно обозначены как «классический» и «неклассический» мимесис.

Объектом данного диссертационного исследования является антропологическая проблематика творчества О. Хаксли в миметическом аспекте.

Предметом работы являются антропологические смыслы произведений О. Хаксли в русле концепций телесности, теории дискурса, теории аналитической антропологии литературы, теории точек зрения и фокализации и т. д.

Материал исследования – романы О. Хаксли «Желтый Кром» (*Crome Yellow*, 1921), «Шутовской хоровод» (*Antic Hay*, 1923), «Эти бесплодные листья» (*Those Barren Leaves*, 1925), «Контрапункт» (*Point Counter Point*, 1928), «О дивный новый мир» (*Brave New World*, 1932), «Слепой в Газе» (*Eyeless in Gaza*, 1936), «После многих лет умирает лебедь» (*After Many a Summer Dies a Swan*, 1939), «Время должно остановиться» (*Time Must Have a Stop*, 1944), «Обезьяна и сущность» (*Ape and Essence*, 1948), «Остров» (*Island*, 1962); эссеистика О. Хаксли «Надлежащие исследования» (*Proper Studies*, 1927), «Вордсворт в тропиках» (*Wordsworth in the Tropics*, 1925), «Делай что хочешь» (*Do What You Will*, 1929), «Цели и средства» (*Ends and Means*, 1937), «Двери восприятия» (*The Doors of Perception*, 1954), «Человеческая ситуация» (*Human Situation*, 1959) и другие, а также рассказы писателя «Фарсовая история Ричарда Гриноу» (*Farcical History of Richard Greenow*, 1920), «Монокль» (*The Monocle*, 1920) и пр.

Целью исследования является рассмотрение антропологических основ творчества О. Хаксли в миметическом аспекте.

В соответствии с заявленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть существующие концепции миметической природы произведений и дискурса;
- 2) описать хакслианские модели рационализации человека;
- 3) проанализировать «бытийный статус» человека в произведениях О. Хаксли в связи с авторским изучением человеческой природы, его проектами утопического миромоделирования;
- 4) изучить персонажную, мотивную, сюжетную, композиционную структуру, систему точек зрения в художественном мире О. Хаксли в корреляции с его антропологической рефлексией;
- 5) выявить и описать миметическое отношение произведений О. Хаксли к внешней реальности посредством «негативного мимесиса»;
- 6) определить присущие автору формы чувственности и образуемый ими единый миметический «каркас» произведений.

Методологической основой диссертационной работы является системный подход, заключающийся в изучении произведения как сложного образования, в котором выявляются различные семантические уровни взаимодействия компонентов единой системы. Мы опираемся на историко-генетический, структурный методы исследования, методы философского литературоведения, аналитической антропологии литературы.

Теоретической основой исследования являются работы М. Фуко, В. А. Подороги, Т. Адорно, Ж. Лакана, З. Фрейда, Ю. Кристевой, Б. А. Успенского, Ж. Женнета, У. Броха, М. Ямпольского и других.

Научная новизна работы связана с тем, что в ней впервые представлена целостная и завершенная модель антропологии творчества О. Хаксли в миметическом аспекте, которая учитывает как воплощение его взглядов на человека и «человеческую ситуацию» (термин писателя), так и телесное бытие, чувственную организацию его произведений. Новизна исследования состоит также в том, что анализ произведений рассматриваемого автора ведется в единстве разных миметических подходов («классического» и «неклассического» типов мимесиса).

На защиту выносятся следующие положения:

1. В рамках антропологии О. Хаксли различаются репрезентативный (связанный с идеей рационализации) и нерепрезентативный (миметические основы организации произведения) аспекты.

2. Рационализация антропологической реальности в художественной практике О. Хаксли связана с осуществлением в его произведениях исследования человека, которое воплощается на уровне персонажной, мотивной, сюжетной структуры и характера повествования, основанного на оперировании определенными дискурсивными практиками, наделяющими его внешним по отношению к нему языком.

3. Рационалистические интенции произведений О. Хаксли связаны с проблемой телесности человека: тело репрезентируется как зависимое от дискурса тело-объект, познание и регуляция которого обеспечиваются идентификацией человека относительно психосоматического тела-канона и тела-канона Не-я; на уровне структуры произведений регуляция тела-объекта осуществляется в рамках клинического дискурса, антропологическая реальность подвергнута у О. Хаксли «медикализации» (термин М. Фуко).

4. Базовая форма чувственности автора (в рамках модели В. А. Подороги), обеспечивающая начальную миметическую стадию его произведений, связана с феноменом непосредственного визуального восприятия, невозможность которого для автора влечет переживание им ужаса небытия, связанного с переживанием иррациональности тела; это определяет специфику других миметических уровней произведений О. Хаксли и общую установку его творчества на рационализацию антропологической реальности через рационализацию телесного.

5. «Внутрипроизведенческий» мимесис (в рамках модели В. А. Подороги) творчества О. Хаксли обусловлен феноменом «интеллектуального зрения», обеспечивающим форму и структуру его произведений. «Интеллектуальное зрение», в свою очередь, связано с «идеальной фигурой» – Наблюдателем, который, будучи формой пребывания автора в произведении, дает ему возможность обретать виртуальное тело в пространстве точек зрения, дистанцируясь от проявлений «реальной» телесности.

6. Миметическое отношение к внешней реальности («внешний мимесис» в рамках модели В. А. Подороги) воплощено в произведениях О. Хаксли через страх и отвращение. Невозможность авторской идентификации с телом порождает фигуры чудовищных животных как знаков архетипической монструозности, уродства тела вообще.

Теоретическая значимость исследования связана с тем, что рассмотрение антропологии творчества О. Хаксли в миметическом аспекте (в том числе в русле «неклассических» моделей мимесиса) существенно обогащает традицию изучения концепций человека, в целом, и антропологии рассматриваемого писателя, в частности.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в рамках базового курса по истории зарубежной литературы, спецкурсов и семинаров по истории английской литературы, а также в рамках спецкурсов по антропологии литературы.

Апробация результатов исследования. Материалы исследования послужили основой для докладов на международных конференциях: «Дергачевские чтения-2008» (Екатеринбург, 2008), «Пограничные процессы в литературе и культуре» (Пермь, 2009), «Литература в контексте современности» (Челябинск, 2009), «I Павермановские чтения. Литература. Музыка. Театр» (Екатеринбург, 2009), «Литературная провинция» (Екатеринбург, 2010). Этапы исследования и его результаты обсуждались на семинарах аспирантов кафедры зарубежной литературы Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Основные положения работы нашли отражение в 8 статьях.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав и заключения, списка использованной литературы. Первая глава носит теоретический характер, три последующие посвящены исследованию антропологии произведений О. Хаксли в миметическом аспекте. Общий объем диссертации составляет 281 страницу.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** представлен обзор литературы по проблемам, связанным с антропологическим аспектом изучения творчества Хаксли, обоснованы актуальность, научная новизна исследования, определяются предмет и объект, формулируются цель, задачи, теоретическая и практическая значимость, структура работы.

Глава 1 «Антропология литературного произведения: методологические аспекты изучения» посвящена теориям литературного анализа в контексте современных миметических концепций, а также теории дискурса в целом и повествовательного дискурса, в частности.

Осуществляемый в параграфе **1.1. «Мимесис и антропология литературного произведения»** анализ миметических теорий базируется на различении понятий «классический» и «неклассический» мимесис. Выделение этих двух типов мимесиса определяется различиями между фундаментальными концепциями мимесиса у Платона и Аристотеля. Если «классическая» модель (восходящая к Аристотелю) строится в значительной степени на субъектно-объектных отношениях, допускающих возможность того, что мыслящий субъект способен познать и отразить реальность в произведении (в качестве объекта), то актуализированная в XX веке «неклассическая» модель мимесиса, ведущая свой генезис от концепции «копии копии» Платона, базируется на критике абсолютизации субъектно-объектных отношений и признании роли внесубъектных факторов осуществления подражания в искусстве. В частности, одним из показательных явлений нового осмысления мимесиса, накладывающих отпечаток на современную трактовку подражания, выступает теория симулякров (Ж. Батай, Ж. Бодрийяр, П. Клоссовски, Ж. Делез). Понятие симулякра базируется на признании того, что некоторые предметы (в том числе произведения искусства) не имеют в реальности оригинала-образца для подражания. Идея подражания подражанию, зафиксированная в философской практике Ж. Бодрийяра и других мыслителей, разработавших концепцию симулякра, отражает ключевое свойство миметических феноменов (в том числе эстетических), а именно: наличие нередуцируемого к реальности миметического компонента.

В XX веке происходит своеобразный «взрыв» внимания к миметическим феноменам в аспекте проблемы тела (З. Фрейд, О. Ранк, Л. Н. Гумилев, Э. Канетти, К. Мосс, Дж. Блэкиннг). Новое понимание телесности закладывается, обосновывается и художественно воплощается уже в рамках модернизма (А. Арто, Д. Г. Лоуренс, Вс. Мейерхольд, М. Чехов и др.) и постмодернизма («поздний» Р. Барт, М. Фуко, Ж. Делез и др.). Тело в рамках данного типа мышления не является телом в традиционном понимании. Об этом коренном повороте в осмыслении «телесного» И. П. Ильин пишет: «Если классическая философия разрывала дух и плоть, конструируя в «царстве мысли» автономный и суверенный трансцендентальный субъект как явление сугубо духовное... то усилия многих влиятельных мыслителей современности... были направлены на теоретическое «сращивание» тела с духом...»¹.

В целом (достаточно условно) можно выделить два подхода к интерпретации тела в истории идей XX века.

Первый подход определяет *тело как условие смыслопорождения*. Так, М. Фуко рассматривает тела, чье существование извне проясняется техникой определенного дискурса (например, анатомические, физиологические, патологические тела). Ж. Лакан рассматривает тело в контексте механизма символизации, отражающего процесс включения «я» в мир. При данном подходе к проблеме тела, когда оно предстает как тело-буква и тело-знак и в таком качестве может быть «прочитано», возникает также «обратное» явление: от тела-текста к тексту, от которого неотделимы чувственные переживания. В этом смысле представительны идеи Ю. Кристевой, которая, во многом опираясь на идеи Ж. Лакана, стремится биологизировать означивание; мимесис в ее концепции текста – это подражание «символическому», которое отсылает к языку бессознательного.

Противоположное толкование тела базируется на идее о том, что *тело, напротив, противится означиванию, не является источником какого-либо смысла*. Такое толкование основывается на представлении о теле как о динамической форме бытия за пределами материального, чья динамика определена чувственным взаимодействием с миром (ос-

¹ Ильин И. Постмодернизм : словарь терминов. – М. : ИНИОН РАН (отдел литературоведения) : Интрада, 2001. – С. 300.

нову понятия «динамического тела» закладывают, в частности, А. Бергсон, Ф. Ницше). В русле данной традиции разрабатывает проблематику тела В. А. Подорога. Тело в его концепции является свободным, автономным феноменом, нацеленным лишь на свое самостоятельное существование. Репрезентативны в этой связи идеи «позднего» Р. Барта, который различает произведение и текст, связывая с телесностью именно последний и относя произведение к сфере спекулирующей интерпретатора.

«Неклассическое» понимание мимесиса формируется в связи с осмыслением кризиса идентичности и получает обоснование как способ идентификации человека. Фактором, выявляющим идентичность либо «неидентичность» человека, оказывается миметическое отношение к фигуре «другого». Осмысление роли «другого» в процессе миметической идентификации тесно связано с понятием тела, что находит отражение в философской и эстетической мысли (М. Фуко, Ж. Лакан, Т. Адорно и др.).

В современной науке о литературе существует концепция аналитической антропологии литературы (В. А. Подорога). По мнению исследователя, конструкция произведения состоит из нескольких гетерогенных миметических рядов («элементных уровней»). Первый миметический ряд – «архетипические чувственности», т. е. значимые для автора и составляющие «бытийную» основу его произведений чувственные переживания, без которых само его существование (как телесного субъекта произведения) невозможно. Второй миметический ряд – *элементы «внутрипроизведенческого» мимесиса*. Они определяют форму произведения относительно телесного опыта автора. Третий миметический ряд – «внешний» мимесис произведения относительно реальности.

В теоретических построениях и аналитической практике В. А. Подороги понятия «произведение» и «автор» носят концептуальный характер. Оба тесно связаны друг с другом. Ученый вкладывает в данные эстетические категории феноменологические интенции. Произведение получает истолкование как телесная сущность, бытие которой направлено от «первичного переживания» к «миру культуры» (практически в соответствии с идеей М. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия»).

Параграф 1.2. «**Дискурс и повествование**» посвящен концепциям дискурса М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Лакана и нарративным типологиям повествования, в том числе теории фокализации. В данном параграфе дискурс рассматривается с различных позиций: как исторически меняющиеся правила выполнения функций высказывания, определяющие мышление индивида и общества и социальную реальность в те или иные периоды исторической динамики (М. Фуко); как правила ведения «языковых игр», в том числе «террористических», выражающих желание власти (такие «языковые игры» препятствуют феноменам реальности вести собственную наррацию и сами стремятся быть едиными большими наррациями) (Ж.-Ф. Лиотар); как сферу Символического (реальность представлена в знаковой, речевой форме), где определяющая роль принадлежит означаемому – знакам бессознательного, выраженным в фигуре метафоры или метонимии (Ж. Лакан).

В теории нарратива понятие повествования уточняется в связи с различением рассказа и рассказывания (коррелирующим с различением мимесиса и диегесиса) как события, о котором рассказано в произведении и событием самого рассказывания (М. Бахтин, Ж. Женнет). Существенной стороной современных исследований повествовательного дискурса являются проблемы типологизации повествования, которые принято решать через выявление центра ориентации читателя (Р. Ингарден), формирующиеся посредством манипулирования повествовательной точкой зрения. Таким образом, повествовательный дискурс тесно связан с особенностями фокальной перспективы, или точки зрения, создающей художественную реальность (Б. А. Успенский, Ж. Женнет, Ж. Пуйон, Цв. Тодоров, У. Брех и другие).

Глава 2 «Антропология О. Хаксли: репрезентация человека в рамках модели рационализации» посвящена репрезентативному аспекту образа человека в творчестве Хаксли, то есть авторской рефлексии проблемы человека. Репрезентативный аспект образа человека в творчестве Хаксли осмысливается с позиций «классической» теории мимесиса, согласно которой реальность (объект) может быть полностью отражена в сознании воспринимающего субъекта.

В параграфе **2.1. «Знание как условие человеческого бытия и модели рационализации»** на материале эссеистики Хаксли нами демонстрируется, что он связывает невозможность самоидентификации человека с проблемой величин: несоизмеримость между бесконечностью реальности и ограниченностью индивидуального восприятия порождает перцептивный барьер. В этой связи в период 1920-х годов писатель провозглашает единство «я» и субъективного образа мира и решает проблему идентичности человека соположением множества горизонтов «я», выстраивая, таким образом, образ *всей* реальности. В период второй половины 1930-х – начала 1960-х годов Хаксли приходит к идее расширения границ «я» путем познания Божественного Основания (термин Хаксли) как абсолютной реальности, в идентификации с которым человек становится сопричастным Богу, безграничному Всеобщему Разуму.

Параграф **2.2. «Тематика естественнонаучного исследования и особенности структуры произведений»** посвящен корреляции между структурой романов Хаксли и структурой естественнонаучного исследования. В произведениях Хаксли создается ситуация эксперимента, которая определяет расстановку персонажей, специфику их взаимодействия, сюжетные линии и композицию в целом. Она невозможна без «субъекта исследования», характерного типа персонажа Хаксли; он профессиональный ученый или любитель-дилетант. Его роль в повествовании связана с эксцентричностью (одержимостью какой-либо сверхидеей) и экспериментальной деятельностью (склонностью преобразовывать жизнь в соответствии со своей сверхидеей). Как только им провозглашается некая идея (теория), в тот же момент запускается механизм ее доказательства или опровержения. Эксцентрик-экспериментатор постоянно ведет наблюдение за объектом исследования, фиксируя увиденное в той или речевой форме (дискуссиях, записных книжках, письмах и т. п.). Такими персонажами реализуются две наблюдательные тактики: индивидуальные наблюдения носителей эксцентричных точек зрения и совокупность этих точек зрения, сфокусированных в более «совершенной» точке зрения персонажа-выразителя авторского мировоззрения. В связи с исследовательской моделью взаимодействия точек зрения единый сюжет в романах Хаксли отсутствует; сюжетные линии движутся «вслед» за теми персонажами, чья точка зрения в данный момент вступает в силу.

В параграфе **2.3. «Герой-спикер и дискурсивность повествования»** рассматривается характерное свойство персонажа Хаксли относительно повествования; это носитель дискурса, изображающий реальность в рамках той или иной речевой практики. Хакслианский персонаж – это буквально спикер, чистая функция «говорения», снабженная антропоморфными чертами. Речь спикера всегда связана с тем или иным дискурсом, существующим независимо от мира произведения и предшествующий его художественной реальности. Она является главным средством изображения/описания реальности в произведениях рассматриваемого писателя. Соотношение речевых форм с «чистым» повествованием в них таково, что собственно повествовательные элементы неизменно находятся в подчинении дискурсу, формирующему образ реальности.

В параграфе **2.4. «Познание и клиническое исследование: болезнь в системе точек зрения»** выявляется «встроенность» клинического дискурса в рамки структуры произведений Хаксли и в этой связи анализируется репрезентация человека как патологического тела с помощью описываемой М. Фуко трехуровневой локализации болезни, где общей операциональной установкой является та, что исследователь определяет как «язык-глаз» клиники. Речь-взгляд как метод исследования реальности свойствен хакслианскому герою-спикеру, артикулирующему реальность так, как если бы она не существовала вне его точки зрения. Ситуация эксперимента при этом образует единое пространство клинического наблюдения, а система точек зрения спикеров накладывает на антропологическую реальность ту или иную дискурсивную формулу, необходимую для определения патологических феноменов. На первом уровне локализации болезни в произведениях Хаксли действует сеть точек зрения, определяющая совокупность взгляда. Основу этой совокупности составляет прием «зеркал» (В. А. Грехнев), когда индивидуальные точки зрения персонажей локализуют «патологический симптом» в теле, в телесном «я», репрезентированных как угроза человеку. Второй уровень локализации болезни, где, по М. Фуко, формируется серия фактов отнесения симптомов к болезни, представлен в рамках точек зрения спикеров, транслирующих классификации отклонений. Сопоставление представленных классификаций в текстах различных периодов творчества писателя позволяет говорить об установлении серии симптомов в сфере

отношений между отдельным индивидом и жизнью общества и государства. Третий уровень локализации болезни, связанный М. Фуко с идеей внешнего наблюдателя, который не вмешивается в «нормальное» течение болезни, обеспечивается точкой зрения автобиографического героя в хакслианских текстах 1920-х годов или точкой зрения героя-идеолога «положительной программы» самого автора в его текстах второй половины 1930-х – начала 1960-х годов.

Параграф **2.5. «Тело как проблема познания и образцы идентификации: психосоматическое тело-канон и тело-канон Не-я»** посвящен рассмотрению образа человека в творчестве Хаксли с опорой на понятие тела-канона, разработанного В. А. Подорогой. Нами выделяются в этой связи два тела-канона, представляющие собой модель идентификации человека и, таким образом, его рационализации. Психосоматическое тело-канон формирует в произведениях Хаксли образ человека, базирующийся на его соответствии психофизической схеме: человек представлен через его анатомо-физиологические и психические свойства, набор инстинктов, поведенческих реакций и т. д., т. е. через те аспекты антропологии, что проясняются соответствующими научными дискурсами. Образ человека в рамках тела-канона «Не-я», которое Хаксли определяет также как «тело Бога» (Divine flesh), основан на его идее Божественного Основания. Познание Божественного как своего «другого» выступает гарантом слияния с Не-я мира, при котором человек обретает подлинное присутствие в бытии. Тем не менее, несмотря на авторское провозглашение отказа от дискурсивного мышления, реального устранения дискурсивной репрезентации реальности в произведениях рассматриваемого писателя не происходит. Антропологическая реальность у Хаксли редуцируется к реальности дискурсивных практик, а миметическое тождество с телами-канонами позволяет эффективно решать вопрос о познаваемости и рациональном переустройстве жизни человека.

В параграфе **2.6. «“Медикализация” антропологической реальности и контроль над телом»** исследуются практики регуляции и контролирования телесных проявлений, оцениваемых как болезнь, в проектах миромоделирования Хаксли. Они организуются исходя из представлений о телесной норме и патологии, которые связывают телесность с объектами и сферами реальности, выходящими из непосредственной

области действия медицины, но метафорически с ней связанных (данный эффект М. Фуко называет «медикализацией»). В этой связи «медикализация» включена в структуру произведений Хаксли на уровне мотивов контроля патологических явлений во всех сферах антропологической реальности: политике, экономике, воспитании, образовании, семье, производстве и т. д. Во всех этих случаях объектом контроля является тело; притом психосоматическое тело-канон и тело-канон Не-я предписывают «совокупность норм поведения, следуя которым мы различаем правильное и неправильное использование человеческого тела»². Учет выявленных канонов обуславливает сосредоточенность Хаксли на теориях и практиках управляемой эволюции человечества. В качестве основных средств управляемой эволюции в поле его внимания оказываются психофизическая дифференциация населения, селекция, демографический контроль, формирование специфического типа семьи, полигамия, промышленные и экономические реформы, гипнотическая и медикаментозная профилактика и коррекция индивидов. Хакслианские проекты миромоделирования организуются авторским отношением к болезни и смерти, а оперирование данными средствами решает проблему целей: исключить явление энтропии из жизненного опыта человека.

Глава 3 «Образы и символы “тела вне объективации” в произведениях О. Хаксли» посвящена исследованию «внешнего» мимесиса произведений Хаксли в русле понятия «негативного мимесиса».

В параграфе **3.1. «Смерть из прошлого и потеря памяти/зрения»** рассматривается невозможность установления автором базового миметического отношения к миру через ключевое для него «архетипическое» переживание зрения, визуальной чувственности. Это связывается нами с рядом трагических событий его телесной и эмоциональной биографии: ранней смертью матери Джулии Хаксли в 1908-м году и болезнью глаз в 1914-м, приведшей к сильному ухудшению зрения и сделавшей Хаксли полуслепым на всю жизнь. Нами доказывается, что эти события провоцируют не только однократное глубокое переживание неотвратимости небытия, но присутствуют в горизонте телесного и душевного опыта Хаксли в течение всей его жизни. Они фиксируют точку разрыва

² Подорога В. А. Феноменология тела. – М. : Ad Marginem, 1995. – С. 24.

несоприкасающихся времен жизни автора: времени прошлого (детства), соотносимого с фигурой матери, с «жизнью», и времени настоящего, соотносимого с отсутствием матери, «смертью». Одновременно указанный опыт «стирает» само прошлое: во-первых, вместе с потерей зрения Хаксли утрачивает воспоминания о своем детстве, связанные с матерью; во-вторых, утрачивает способность к визуализации. Это в определенной степени ведет к «сбою» в идентификации Хаксли с телесным вообще (прежние, «изначальные» формы чувственного пребывания в мире оказываются недоступными). Автор не в состоянии восстановить прежнюю включенность в мир ни в акте зрения, ни в акте воспоминания.

Параграф **3.2. «Несформированность телесной идентичности и ее обретение»** посвящен проблеме «смещений», «сдвигов» в телесной идентичности ряда персонажей Хаксли и самого автора. Телесный образ автора характеризуется несформированностью базовых признаков, к которым относятся, в первую очередь, возрастная и половая идентичность (речь идет об образах тела, а не его биологическом статусе). Как нами показано, это отражается в системе персонажей, миметически копирующих свойства тела автора. Для персонажей Хаксли в этой связи характерны искажения половой (маскулинные женщины, андрогинные мужчины и бесполое персонажи), а также возрастной принадлежности (мужчины андрогинного типа и женщины бесполого типа обладают инфантильным поведением и очень часто – «детскими» образами тела). Проблема телесной идентичности героев-носителей автобиографических черт коррелирует с проблемой телесной идентичности автора, его попытками обрести собственную психотелесную целостность относительно неких образцов. В этой связи нами рассматриваются авторские попытки идентифицировать собственную телесность; в частности, в рамках теории У. Шелдона Хаксли определяет свою принадлежность к эктоморфному типу телосложения, по типу темперамента – к группе церебротоников, рассматривая образ Христа как образец личного психотелесного поведения в качестве интровертного эктоморфа-церебротоника.

В параграфе **3.3. «Лоуренс – Хаксли: диалог о теле»** сопоставляются различные понимания телесного у Д. Г. Лоуренса и Хаксли, на чью концепцию «тела-сознания» (body-mind) первый оказал большое влия-

ние, во многом определив идею «позднего» Хаксли о психотелесном единстве человека. Выявляются, между тем, принципиальные различия в трактовке телесного. Лоуренс представляет тело в терминах динамики, становления, как автономное живое образование – «витальное тело». Хаксли, соглашаясь с Лоуренсом в ценности гармонического объединения тела и души, в то же время оценивает эту динамику как хаос, ужасается ее бессмысленности, а потому не верит в достижимость безопасного равновесия; «витальное тело» внушает ему ужас именно потому, что оно не познано и не может быть познано в принципе в силу своей автономности от всякого рода систем рационализации, в том числе дискурсивных.

В параграфе **3.4. «Метафора животного и смысл “замещения”»** нами демонстрируется, что «животная» тема систематически актуализируется в творчестве Хаксли в связи с психосоматическим телом-канон, но при этом часто «животное» приобретает черты гротеска и воплощается в пугающих образах. Идентифицируя человека с психосоматическим телом-канон (опосредованным образом животного), автор, фактически, оставляет за пределом нормы иррациональный смысл образа животного, не вписанный в рамки естественнонаучного дискурса. Если тело-канон демонстрирует «близкий» образ животного, который, будучи понятным и безопасным, открыт дискурсивным манипуляциям (т. е. поддается рационализации и контролю), то одновременно в произведениях Хаксли можно выявить ряд образов «животного», не служащих ни познанию, ни контролю человека. В рамках анализа семантики «касания» в сущности метафоры (З. Фрейд, Ж. Женнет), мы рассматриваем данные образы в качестве немотивированных метафор. Характеризующее их свойство чужеродности (что показательно – они не включены ни в какой дискурс в произведениях Хаксли), определяющее неприятие «животного», выявляет данную метафору как знак бессознательного. Это переводит образ в иной смысловой регистр и дает основание к его дальнейшему рассмотрению в контексте «негативного мимесиса».

Параграф **3.5. «Фигура монстра»** посвящен анализу фигур чудовищных животных (монстров) в творчестве Хаксли. В русле идей З. Фрейда и Ж. Лакана мы выявляем в случаях немотивированной метафоры животного в творчестве рассматриваемого автора миметичес-

кую защитную реакцию, нацеленную на замещение негативных, отторгаемых смыслов, которые не поддаются рационализации и, следовательно, представляют угрозу для идентичности «я» с собой. Нами выявляются два рода переживаний, сопровождающих данную метафору у Хаксли: страх и отвращение. В исследовании данного образа мы следуем идеям М. Фуко о природе монстра, или чудовищного животного. Страх перед монстром, согласно ученому, основан на том, что его «смысл» пересекает грань рационалистической реальности, угрожая тождеству воспринимающего субъекта с самим собой. Страхи, фобии героев Хаксли и настойчивое внедрение идентификации человека с телом-канонem очерчивают исходное переживание чудовищности тела как такового. Монстр в произведениях Хаксли связан с необратимым «оживотниванием» человека, регрессом человека к ранним, архаическим стадиям его генеза. Отсылка к архаическому прошлому человека фиксирует изначальное искажение, архетипическое «уродство» человека. Таковы, например, образ графа Хоберка в романе Хаксли «После многих лет умирает лебедь», образы чудовищных обезьян в его антиутопии «Обезьяна и сущность». Из глубины архаического прошлого животные-монстры возникают в текстах Хаксли как образцы невозможной идентификации.

Параграф 3.6. «**“Чувственное” и “отвратительное”**» посвящен рассмотрению авторского отторжения/притяжения к телесному, связанного с переживанием чувственного касания. Опираясь на идеи Ю. Кристевой о притягательности отвратительного, мы рассматриваем, как отвращение перед разными формами касания тела оборачивается в произведениях Хаксли стремлением рассмотреть отвратительный объект. Зачарованность им не прерывается; в текстах Хаксли следует тщательное описание ран, сгустков крови, комков шерсти, запахов болезни и разложения и т. д. Почти навязчивые образы отвратительного возникают в романах Хаксли в связи с изображением смертного тела. Особое место в ряду мотивов переживаний отвратительного занимает мотив отвращения к полу, в рамках которого образы смерти соединяются с образами тела сексуального. Динамика телесной жизни (физическая любовь, зачатие, беременность и т. д.) описываются в терминах деструкции и отторжения. Смерть и болезнь репрезентируются как изоморфный жизни процесс.

Глава 4 «Формы чувственности в произведениях О. Хаксли» посвящена исследованию «внутрипроизведенческого» мимесиса творчества Хаксли. В этой связи нами выявляются следующие миметические феномены, актуальные для конструкции произведений рассматриваемого автора: интеллект как телесная форма, «интеллектуальное зрение» и Наблюдатель как «идеальная фигура» произведения Хаксли.

Параграф 4.1. «**Бытие “здесь и сейчас”**: феномен непосредственного зрительного восприятия» посвящен наркотическим практикам Хаксли в контексте его усилий по обретению изначальных чувственных переживаний, «изначального» образа тела. Завороженность самим актом видения, полная поглощенность личности чувственным восприятием, ее растворение в субстанции *sensum* – вот чего он взыскует. Интенсификация зрительных переживаний под действием мескалина и ЛСД ведут к переживанию им внеличной включенности в бытие, устраняющей его собственное «я» и, таким образом, ужас смерти. Иначе говоря, этот опыт позволяет Хаксли наконец взглянуть на мир не глазами того, кто смотрит и осмысляет то, что он видит, а стать тем *нечто*, что образуется на стыке воспринимающей способности глаза и стихии мира, где пребывает само зрение. Эта «чистая перцепция» (*pure perception*, в терминологии Хаксли) вне всякого различения на субъект и объект восстанавливает в определенной степени утраченное единство автора с миром, возвращает детское видение, архетипическое прошлое переживается им «здесь и сейчас».

Параграф 4.2. «**Феномен “интеллектуального зрения” в творчестве О. Хаксли**» посвящен «интеллектуальному зрению» как чувственному опыту автора, в рамках которого последний обретает некое виртуальное тело. Нами описывается сущность феномена «интеллектуального зрения» и его связь с поиском Хаксли в литературе форм компенсации утраченного зрения. Нами обосновано, что в силу необходимости способа чувственного пребывания в мире интеллект становится для него телесной формой, где автор обретает существование, независимое от физического тела. Отсюда пространство телесного у Хаксли – это объем видения реальности с позиции той или иной внешней по отношению к автору точки зрения, с которой автор вступает в отношения интеллектуальной мими-

крии. Автор, воспринимая реальность как некую идейную сферу, может пребывать в ней, лишь замещая дискурсивно воплощенными идеями чувственные формы мира. В этой связи нами рассматривается, как в произведениях Хаксли дискурс обретает статус своего рода «посредника-поводыря» между полуслепым автором и реальностью, основой «интеллектуального зрения», когда интеллект обретает функции глаза. Он заменяет собой непосредственное чувственное восприятие и организует художественный мир произведения Хаксли (систему персонажей, структуру и т. д.) как оптическую систему, делающую внешний мир полностью открытым для авторского познания и рационализации. Автор приспосабливается, играет, даже с удовольствием вживается в новую для него точку зрения, обретая в ней пространство телесной идентификации. Ему открыты они все – сам он не подвластен ни одной. Это, действительно, идеальный наблюдатель, объективный, не имеющий «я», абсолютно свободный. Его свобода – это свобода перемещаться от одной точки зрения к другой, перевоплощаться из одного «я» в другое, манипулируя соотношением точек зрения в речевых формах (прямой и несобственно-прямой речи) и композиционными планами. Но одновременно Наблюдатель, эта принятая автором маска, разрушает его проект по осуществлению визуального, так как Хаксли может видеть и репрезентировать что-то, лишь ассимилируя готовые дискурсивные формулы. Сам по себе автор слеп.

Характер манифестации автора позволяет говорить о его сверхдистанцированной позиции по отношению к реальности: он выступает как иронист и (в поздних своих текстах) как проповедник «абсолютной истины». Это надстраивает над вертикальной перспективой всезнающего автора добавочную дистанцию. Вне зависимости от идеологического контекста высказывания, иронический модус изображения реальности Хаксли, равно как и его проповедническая позиция, являются жестом отстранения от чувственной реальности.

Таким образом, действия Хаксли есть бегство от соприкосновения с негативным «другим», ужасающим «витальным телом». Автор, занимая божественную позицию, играет роль вездесущего демиурга, способного контролировать тело, держать его на расстоянии и манипулировать им исходя из соображений гигиены, здоровья и пользы.

В **Заключении** диссертационного исследования обобщаются результаты работы и формулируются основные выводы.

Нами доказано, что гетерогенные элементы мимесиса распределяются в произведениях Хаксли следующим образом. Базовый миметический уровень (уровень «архетипических чувственностей», мимесис-1, в концепции В. А. Подороги) образован авторским переживанием полуслепоты, сопряженным с ужасом небытия. Уровень «внутрипроизводческого» мимесиса (мимесис-2, в концепции В. А. Подороги) обусловлен присутствием в произведениях Хаксли фигурой Наблюдателя как «идеального персонажа», обретением автором в «интеллектуального» тела в пространстве точек зрения и, таким образом, осуществления зрения в компенсаторной форме. Уровень «внешнего» мимесиса (мимесис-3, в концепции В. А. Подороги), исследуемый нами в связи с категорией «негативного мимесиса», задан «нарушениями» авторской идентификации с телесным, маркированной фигурами чудовищных животных и знаками «отвратительного» в произведениях рассматриваемого писателя.

Выявление миметической конструкции произведений Хаксли дает возможность утверждать следующее: авторская рефлексия антропологических смыслов является вторичной по отношению к чувственным формам пребывания автора в произведении. Проанализированная в русле концепций «неклассического» мимесиса миметическая модель произведений Хаксли позволяет, таким образом, объяснить авторский «познавательный проект», осуществляемый им в своих текстах. Модель мира Хаксли базируется на «классических» миметических представлениях, следующих представлениям о тождестве субъекта и объекта. В этой связи антропологические смыслы творчества Хаксли связаны с образами тел-канонов (психосоматического и тела-канона Не-я) как «идеальными» образами «другого», через идентификацию с которыми человек у Хаксли познается и, таким образом, рационализируется. Иных позитивных образов «другого» у Хаксли не существует, поскольку уровень «внешнего мимесиса», определяющего отношение автора к реальности вне своего образа тела, диктует отторжение чувственных феноменов. В связи с этой рационалистической установкой творчества Хаксли в его произведениях развивается эффект объективации тела, в частности, и

«медиализации» художественного мира, в целом. Данный эффект возникает вследствие, во-первых, дискурсивности повествования Хаксли (оно «захвачено» тем или иным дискурсом, вводимым типичным хакслианским персонажем-спикером), во-вторых, в связи с естественнонаучной тематикой его творчества (в частности, корреляцией структуры романов с тактикой естественнонаучного эксперимента).

Содержание работы отражено в следующих публикациях:

I. Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале, определенном ВАК РФ:

1. Фалалеева С. С. Психосоматический аспект человеческой природы в творчестве О. Хаксли / С. С. Фалалеева // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – Вып. № 4 (82). – Серия 2 : Гуманитарные науки. С. 120–126.

II. Другие публикации:

2. Фалалеева С. С. Ценности Запада и Востока в романах «Игра в бисер» Г. Гессе и «Остров» О. Хаксли / С. С. Фалалеева // Дергачевские чтения-2008. Русская литература в контексте культуры. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций : материалы IX Междунар. науч. конф. : в 2 т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – Т. 2. – С. 372–378.

3. Фалалеева С. С. Музыка в романах О. Хаксли / С. С. Фалалеева // Пограничные процессы в литературе и культуре : сб. статей по материалам Междунар. науч. конф., посвященной 125-летию со дня рождения Василия Каменского. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2009. С. 58–61.

4. Фалалеева С. С. Человеческая ситуация в романе О. Хаксли «Шутовской хорювод» / С. С. Фалалеева // Литература в контексте современности : сб. материалов IV Междунар. научно-практ. конф. / Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2009. С. 402–407.

5. Фалалеева С. С. К проблеме зрения в творчестве О. Хаксли / С. С. Фалалеева // Павермановские чтения. Литература. Музыка. Театр : сб. статей материалов Круглого стола, посвященного памяти В. М. Павермана (8 октября 2009) / Уральский федеральный университет. – Екатеринбург : Изд. Дом «Ажур», 2011. С. 87–91.

6. Фалалеева С. С. Английский чудак в романах О. Хаксли 1920-х гг. (находится в печати).

7. Фалалеева С. С. Феномен зрения в творчестве О. Хаксли / Образ провинции в русской и английской литературе : материалы XX Междунар. конф. Рос. ассоциации преподавателей англ. лит. «Литературная провинция». – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 230–235.

8. Фалалеева С. С. Человек в творчестве О. Хаксли: планы репрезентации и упорядочение энтропии / С. С. Фалалеева // Мировая литература в контексте культуры : сб. материалов VII междунар. науч. конф. «Иностранные языки и литературы в контексте культуры», посвящ. 115-летию со дня рождения В. В. Вейдле / Перм. гос. ун-т. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2010. С. 64–66.

Подписано в печать 14.01.2012.
Бумага для множительных аппаратов
Усл. печ. л. 1,16.
Тираж 100 экз.

Формат 60×84 1/16
Уч. изд. л. 1,09
Заказ № 30

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19
Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре Гуманитарного университета
620041 г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3